

Эмансипация прессы от власти как гарантия коммуникативной открытости и информационной безопасности

Евгений ПРОНИН, факультет журналистики МГУ

Не хотелось бы, чтобы наше обсуждение стало очередной попыткой сертифицировать, какое общество открытое, какое закрытое и какое у нас в России. Давайте попробуем исходить из того, что волею судеб нам выпало жить в обществе достаточно открытом. Во всяком случае, то, что за последнее время мне приходилось делать немало весьма смелых научных и политических заявлений, и я за них не понес политической ответственности, заставляет меня думать, что пока я живу в обществе открытом. Меня как ученого вообще интересует не столько то, какое общество будет, сколько то, как использовать те возможности, которые дает сегодняшнее общество, открытое оно или неоткрытое.

Мне хочется рассказать о результатах многолетнего исследования, которое проводили в рамках Психологической службы газеты "Российские вести" ученые, аспиранты и студенты факультета журналистики МГУ. Мы начали исследование в 1993 году и продолжаем его по сей день. На основании полученных данных мы можем сделать некоторые выводы относительно границ коммуникативной открытости и информационной безопасности в современном обществе. Мы сформулировали четыре отрицательные аксиомы открытости общества.

1. Нет никаких нравственных, логических или эстетических пределов, которые не переступили бы облеченные властью люди, когда им хочется выставить на всеобщее обозрение неприглядные, по их мнению, стороны деятельности или ущербные черты личности своих соперников.

2. Нет никаких гарантий, что облеченные властью люди могут удержаться от цензуры, когда их собственные неприглядные черты открывают массовые средства, включая журналистику, философию и искусство.

Мне кажется, что это настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах, хотя мы их имеем и можем представить. Но это не самое важное, что составляло работу нашей психологической службы. Второе, и самое существенное, это то, что мы следили, каким образом отражаются на личности журналиста эти свалившиеся на него, то ли как манна небесная, то ли как непосильная ноша, свобода слова и открытость общества. Мы проследили последовательную смену типов журналистов, которые были самыми влиятельными публицистами на разных этапах демократического реформирования России в постсоветский период. Выводы мониторинга мало утешительны. На первом этапе перестройки с 1985 года по 1991 год властителем дум был, образно говоря, "странствующий рыцарь гласности", который апеллировал прежде всего к общественному мнению и силой публицистического мастерства вел конструктивное единоборство с властными структурами. Его сменил журналист–обличитель, ориентирующийся исключительно на протестный электорат.

Его оружием стала площадная риторика. Его обращение к властным структурам походило на шантаж. В аудитории ему дали кличку "плюйбой". Однако он быстро утратил влияние на аудиторию. Этот тип журналиста превалировал в 1992–1993 годах. В 1994–1995 годах всего заметнее был публицист, выступавший от имени общественного мнения. Он стремился к интеллектуальному доминированию, называя себя экспертом, но добивался влиятельности лишь вступая в сговор с властными структурами. Для образного определения роли такого публициста можно использовать известный сатирический тип "пикейного жилета". В 1996–1997 годах самыми влиятельными стали журналисты, которые, используя утечки информации, подводили под административную расправу представителей властных структур. При этом они демонстрировали вассальную преданность непосредственным хозяевам тех средств массовой информации, в которых они работали, принимая на себя роль "информационного киллера". Но с 1998 года особо часто в средствах массовой информации стали выступать сами представители властных структур и финансовые олигархи. Как будто они стремились собственными усилиями поддерживать свой имидж духовного лидера ради саморекламы, укрепления собственных политических позиций и разрешения личных финансовых проблем. Их иронично называли "сам–себе–интервьюер".

Тенденция зловещая. 13 лет перестройки и демократических реформ пресса стремилась стать властной структурой государства. Журналисты боролись не за метафорическую "четвертую власть", а за реальные прерогативы и фактические полномочия. Впечатление такое, как будто в реальной стране, в реальном масштабе времени, над реальными людьми и с реальными последствиями

провели фантастический эксперимент, чтобы определить, что будет с коммуникативной открытостью и информационной безопасностью, если свобода слова будет использоваться как корпоративная привилегия пишущего сословия. Поэтому третья и четвертая аксиомы открытости общества касаются непосредственно журналистов и журналистики.

3. Нет никаких нравственных, логических или эстетических пределов, которые не переступил бы политизированный журналист, чтобы подавить чужие информационные каналы.

4. Нет никаких гарантий, что политизированный журналист удержится от соблазна утрировать (в сущности, подвергать цензуре) информацию в соответствии с партийными интересами. Получается, что коммуникативная открытость и информационная безопасность – это взаимогарантирующие понятия. В том смысле, что практически единственной гарантией информационной безопасности общества является его коммуникативная открытость, и, наоборот, в закрытом обществе информационная безопасность – понятие бессмысленное, точно так же, как только информационная безопасность может гарантировать коммуникативную открытость общества. Отсутствие информационной безопасности закрывает общество, искажая даже межличностное общение. Поэтому забота о коммуникативной открытости должна начинаться с попытки обезопасить массовые коммуникации.

В свете сформулированных выше отрицательных аксиом лучше всего было бы начисто эмансипировать СМИ от борьбы за власть. С точки зрения классической теории журналистики это невозможно. Но практика демонстрирует неожиданные ситуации. На совещании хозяйственников в Саранске премьер–министр России Примаков обронил симптоматичную фразу: "Не надо ничего делать с прессой. Какая она есть, такая пусть и будет. Не газеты надо читать, а дело делать" (НТВ, 27.10.98). Здравая в основе мысль. Но вряд ли люди, облеченные представительной властью, откажутся от массового средства управления электоратом. Однако отказаться может как раз сам электорат. Вот один пример. В США при подготовке к промежуточным выборам республиканская партия до предела обострила скандал Клинтон–Левински, рассчитывая на компромате поднять свой рейтинг и увеличить собственное представительство в конгрессе. Электорат, разумеется, все прочел, но увеличила присутствие в конгрессе как раз демократическая партия. Развитие политической ситуации дает нам аналогичные российские примеры. В конце 1998 года выборы в Городское законодательное собрание Санкт–Петербурга стали своего рода полигоном, на котором испытывались "новейшие избирательные технологии". А в результате наибольший успех – у сторонников Болдырева, которые практически не имели поддержки в большой прессе и не пользовались услугами профессиональных имиджмейкеров.

Характерно также, что не удалось пройти в Собрание большинству как раз тех политиков, которых поддерживало центральное телевидение. В достаточно развитом и достаточно открытом обществе эмансипация прессы от борьбы за власть может пойти снизу. На это стоило бы поработать и академической науке. Ловушки и уловки пропаганды рассчитаны на простаков. Как сказал признанный мастер контрпропаганды Жак Элюль, самый хитроумный манипулятивный прием перестает действовать, как только публично раскрыт его секрет.

Нужны коллективные средства защиты от информационного гипноза: контрпропагандистские статьи и книги, профессиональная критика публицистики, полемика между учеными и журналистами, интерактивные справочные системы. Пока с этим дело плохо. Compliments пополам с анекдотами и самореклама. Но проблема осознана. Мне очень хочется поучаствовать не в обсуждении дефиниций и планов построения открытого общества, а в обмене опытом, да простится мне это традиционное словосочетание, ибо оно точное. Важно понять, как жить в этом обществе так, чтобы оно становилось открытым, и как жить в этом обществе, чтобы обеспечивать информационную безопасность друг друга.

К сожалению, часто приходится читать не о том, что в действительности происходит, а о том, какие где изобретены рецепты спасения. Нам самим не всегда удавалось избежать этого соблазна. Например, когда после президентских выборов 1996 года стало ясно, что новый тип журналиста изменил характер СМИ и возникла опасность информационной расправы над политическими деятелями, у которых нет собственных средств массовой информации, наша исследовательская группа направила специальную записку Чубайсу, который был тогда председателем Администрации Президента РФ. Мы предупреждали, что сращивание пропаганды с рекламой, хотя и весьма эффективно в коротких политических кампаниях, опасно тем, что ставит любого деятеля под угрозу незамедлительной информационной дискредитации, как только он вступит в противоречие с олигархами, владеющими прессой.

Я не знаю, читал Чубайс эту записку или не читал, но он не принял в расчет предупреждения. И в результате он стал жертвой пропагандистской машины, которую сам же и создал. Команда Чубайса

была отстранена от власти именно под напором тех информационных потоков, которые были организованы им самим.

Это позволяет предложить еще одну отрицательную аксиому информационной безопасности: никакие разумные программы развития коммуникативной открытости и информационной безопасности не принимаются властью предрешающими. Так было при советской власти, так было и в ходе демократических реформ. К сожалению, и практика западных исследователей СМИ не дает примеров, опровергающих эту отрицательную аксиому. Верхи всегда поступают по собственному произволу, как им хочется, не задумываясь о коммуникативной открытости и информационной безопасности общества. Академическая наука должна адресоваться не к представителям властных структур и не к владельцам газет и телекомпаний, а к простому человеку: представителю массовой аудитории, журналисту, интеллектуалу, гражданину.

М. Красносельский:

– Уважаемый Евгений Иванович, объясните, пожалуйста, тезис, который Вы озвучили: "Пропаганда теряет смысл в открытом обществе". Это непонятно. Дело в том, что сейчас в России издается более 400 экстремистских изданий. И они, на наш взгляд, активно воздействуют на народ, вызывая в нем нехорошие чувства. Тогда как понять Ваш тезис, что пропаганда теряет смысл?

Е.Пронин:

– Пропаганда производит разрушительное действие в тех случаях, когда она опирается на управленческие решения и управленческие силы. Мне приходилось писать о том, что тотальная пропаганда не может быть без тотального террора и тотальный террор не может быть без тотальной пропаганды. Это взаимозависимые величины. Начинается с тотальной пропаганды и завершается тотальным террором.

Если же общество открыто, если в нем функционируют различные СМИ, которые не опираются ни на какие административные структуры, то всякая ложь и всякое пропагандистское давление становятся не просто неэффективными, а начинают работать против себя, то есть теряют смысл.

М. Красносельский:

– Евгений Иванович, не могу с Вами согласиться. Вы утверждаете, что пропаганда в СМИ только тогда может быть влиятельной, когда она опирается на властные структуры. На наш взгляд, пропагандистская система влияет на умы людей, даже если властные структуры молчат.

Е.Пронин:

– Это традиционный взгляд. В истории ему есть много подтверждений. Но это не значит, что так будет продолжаться вечно. Потому что никогда в прошлом по-настоящему открытого общества еще не было. И говорить о том, что если общество будет открытым, то отдельные пропагандистские усилия отдельных недобросовестных лиц будут приводить к катастрофическим последствиям, особых оснований нет. У меня также нет особых оснований утверждать, что моя точка зрения абсолютно правильная. Я просто излагаю свое мнение.

Е. Смагина:

– Какие практические следствия вытекают из Ваших рассуждений?

Е.Пронин:

– Я не предлагаю программы действий. Я сформулировал четыре отрицательные аксиомы, которые обрисовывают смысловое поле, в котором никаких достижений ни по каким программам быть не может. До тех пор, пока эти четыре отрицательные аксиомы действуют, мы можем выдвигать какие угодно пожелания и делать вид, что проводим их в жизнь, чтобы потом ужаснуться последствиям. Как журналист я выдвигаю вот какую положительную программу: ясно видеть границы открытости общества и трезво действовать в рамках информационной безопасности.

Вопрос:

– Эти четыре отрицательные аксиомы – качества открытого общества? Если общество открыто, то тогда эти отрицательные аксиомы закономерны?

Е.Пронин:

– Открытого общества пока еще не было. Общество в разной степени только приближалось к открытости. И, скажем, афинская демократия могла бы быть неплохой моделью открытого общества, если бы не ограничения исторического плана. Более того, если стать на точку зрения Полибия, Древний Рим тоже предоставлял определенную степень открытости и информационной безопасности. Но нелепо искать в старых временах такие модели, которые смогут работать завтра. Модель, которая начнет работать завтра, делается нами сегодня. Есть, по крайней мере, одно средство ограничить разрушительное действие отрицательных аксиом: это полная прозрачность всех аспектов деятельности средств массовой информации.